

Образование и демократия: сотрудничество или конфликт?

Рецензия на книгу: Дельбанко Э. Колледж. Каким он был, стал и должен быть.

А. И. Любжин

Любжин Алексей Игоревич

доктор филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Адрес: Москва, 103073, ул. Моховая, д. 9. E-mail: vulture@mail.ru

Аннотация. Рецензент полагает, что представленный Э. Дельбанко анализ вызовов, порожденных демократизацией доступа к высшему образованию в Америке, представляет большой интерес для читателей в России. В книге исследуются значение высшего образования для страны в целом и для каждого человека, специфика целей колледжей и университетов, влияние современных тенденций в развитии системы образования на социальное неравенство. Кратко резюмируя основные тезисы автора

относительно истории американских колледжей, условий их создания, образа жизни учащихся и преподавателей, рецензент проводит параллели с российской системой образования. Он полагает, что размывание специфики высшего образования ради расширения его доступности представляет для России большую угрозу, чем для Америки, поскольку там гораздо более благоприятная исходная ситуация.

Ключевые слова: высшее образование, массовизация, университеты, колледжи, академическая культура, академические ценности, академическое мошенничество, меритократия.

DOI: 10.17323/1814-9545-2015-4-292-305

Автор начинает свою книгу — в высшей степени интересную и очень поучительную — с недоумения, которое мог бы высказать читатель: почему книгу о высшем образовании пишет не специалист по высшему образованию и не администратор, а профессор литературы? Тем более что — продолжает он свою мысль — преподаватели, как правило, и не понимают, и не задумываются, как функционирует университетская машина, их кругозор редко выходит за рамки факультетской проблематики. Позволяя сосредоточиться на своей предметной области, эта ограниченность препятствует, однако, их осмысленному участию в жизни учебного заведения.

Колледж относится к числу самых ярких отличительных американских инноваций, и о нем очень много в Америке говорят.

Но «критерии, по которым мы оцениваем качество колледжа, — количество публикаций у его преподавателей, размеры целевого капитала, избирательность при приеме, уровень пожертвований от будущих выпускников, даже процент получающих дипломы — мало что говорят о том, что делает колледж для своих студентов». Колледж не то же самое, что университет, у них «разные цели — или же они должны быть разными».

Для русского читателя это противопоставление вряд ли может быть очевидным с ходу. В России понятие университета девальвировалось в два этапа. Если императорская Россия довольствовалась десятком учебных заведений с таким статусом и рассматривала создание нового члена университетского сообщества как исключительно сложную проблему, то в СССР и в современной РФ университетами стали сначала педагогические вузы областных столиц, а затем — любые высшие учебные заведения. Публика еще помнит об универсальности университетской идеи и скептически относится ко второй волне переименований, но первую уже приняла безоговорочно и даже забыла о существовании проблемы — хотя для представления об уровне того, что называется университетом, и первая волна имела весьма тяжелые последствия.

Американский контекст существенно иной: «Колледж занимается тем, что передает студентам знания, накопленные в прошлом, чтобы они могли опираться на них как на живой источник в будущем. Университет — это главным образом ряд видов научной деятельности, которыми занимаются преподаватели и аспиранты с целью создания нового знания». Если учесть стандартную нагрузку преподавателя вуза в РФ и прибавить к этому фактор наличия академических институтов, возникает сильный соблазн поставить знак равенства между американским колледжем и русским университетом — притом что соответствия американскому университету в научно-образовательной системе РФ нет. И нормальная ситуация — конкуренция, а вовсе не сотрудничество целей передачи накопленных знаний и порождения нового знания.

Но и колледж, при всей скромности своих целей сравнительно с университетскими, не имеет права опускать планку своего целеполагания. Автор считает важной миссией колледжа формирование у студентов следующих качеств: «1) скептическое недовольство настоящим, сформированное чувством прошлого; 2) способность устанавливать связи между не связанными внешне явлениями; 3) умение ценить природный мир, подкрепленное знанием науки и искусства; 4) готовность рассматривать жизненный опыт с точек зрения, отличных от вашей; 5) чувство моральной ответственности». При этом автор, разумеется, никогда и ни в чем не изменит демократическому образовательному идеалу. И если жалобы на то, что колледж справляется со своими обязанностями так плохо, как этого еще никогда не было, посто-

янно раздаются в течение столетий, это еще не значит, что проблем нет или что они не слишком серьезны. От них не избавлены и элитные колледжи, находящиеся в фокусе авторского внимания. Мимоходом Дельбанко роняет реплику, которую я не могу не процитировать: «Одно из основных достоинств американской „образовательной“ системы в том, что она никогда по-настоящему не была системой». Мы еще вернемся к этому тезису.

Первая глава ставит основополагающий вопрос уже своим заглавием: «Для чего существует колледж?». Исторически среди оснований его создания на первом плане оказываются «смешанные чувства веры и страха» — и если мы пороемся в нашей исторической памяти, то увидим, что основатели Славяно-Греко-Латинской академии не так уж сильно отличались в этом отношении от создателей Гарварда. Колледж есть американская пастораль, и не случайно глава начинается с одного из самых идиллических сюжетов мировой литературы — с истории о Филемоне и Бавкиде, рассказанной Овидием (впрочем, автор не называет по имени ни мифологических персонажей, ни поэта). Нам не придется долго искать ответ и зачеркивать не выдержавшие проверку версии: правильный ответ дается почти сразу. Его формулировка более чем лаконична: «Указать мне, как думать и как выбирать». Разумеется, с оговорками: американский колледж сильно отличается от европейского, где, как полагает автор, студенты больше сосредоточены на своей узкой специализации и доктринальное влияние образовательной институции как таковой на молодежь стало много слабее.

Э. Дельбанко четко представляет себе — хотя и не так четко излагает, — что в колледже изменилось, а что осталось по-прежнему. Забегая вперед, скажем, что пугающую перспективу — новое поколение американцев будет хуже образованным, чем прежнее, — автор относит к числу сомнительных достижений новейшей эпохи. И попутно разоблачает представление о нетерпимости Америки к академическому обману: его масштабы серьезно возросли в последнее время. Мера доступной студентам свободы, разумеется, увеличилась, но характер работы преподавателя остался почти неизменным, и не только: студенты «всегда искали какую-то цель в жизни. Всегда были не очень уверены в своих талантах и целях и прислушивались к требованиям — открытым и скрытым — своих родителей и абстракции под названием рынок». «Как и тогда, сегодня у большинства студентов нет ясного представления о том, для чего они поступили в колледж». У одних это проявляется острее; другие удерживают в голове представление о будущем вознаграждении за старания; большинство теряется где-то посередине между этими двумя полюсами. Что же из этого следует? «Все студенты заслуживают того, чтобы получать от колледжа нечто большее, чем безнадзорное веселье или услуги агентства по трудоустройству».

Теперь можно дать и список ответов, обычно даваемых на основополагающий вопрос. Первый — экономический: высшее образование улучшает хозяйственное здоровье страны и увеличивает конкурентоспособность индивида. Автор цитирует удачную формулировку, принадлежащую министру образования в кабинете президента У. Клинтона Ричарду Райли: «Сейчас мы готовим наших студентов для работ, которые еще не существуют, при помощи технологий, которые не были изобретены, чтобы решать проблемы, о существовании которых мы сейчас не подозреваем». Для рынка квалифицированного труда диплом колледжа есть условие обязательное. Впрочем, в этом Америка не отличается от РФ, где способность приобрести диплом каким бы то ни было способом является для многих работодателей тестом на минимально приемлемый уровень интеллектуальных способностей соискателя.

Учитывая особенности мышления американских специалистов в области образования, мы не удивимся прыжку в социологическую область. Хуже всего кризис образовательных перспектив сказывается на меньшинствах, которых все больше. Здесь возникает порочный круг: бедность мешает получить образование, низкий образовательный уровень консервирует бедность. Поскольку престиж коррелирует со строгостью отбора, лучшие колледжи поддерживают рост социального неравенства. Правда, на той же странице автор сообщает, что шансы поступить в престижный колледж у студента с высокими отметками повышаются вчетверо, если он относится к состоятельной семье, и у читателя возникает недоумение: если строгость отбора действительно имеет место, то по какому критерию, если не по отметкам? Наши реалии подсказали бы ответ, что отметки — картинка, предназначенная для услаждения начальственного взора и не имеющая отношения к действительности; но так ли это в Америке, мы не знаем.

Правый и левый ответы на этот вызов оказываются удивительным образом схожи: первый рекомендует обратиться к европейскому опыту и предлагать молодежи то образование, которое каждый способен получить (выходов в эту область в книге немного), второй рассматривает колледж как рискованный и не самый эффективный способ сделать карьеру (фоном здесь является невысказанное требование уравнивать зарплаты). Но «измерение пользы как социальных потерь или социальных приобретений бьет мимо цели — либо попадает не в ту цель». Это относится в том числе и к колледжу.

Второй неправильный ответ на вопрос, для чего существует колледж, — политический. В демократии народ должен быть просвещенным. В общем виде Э. Дельбанко такое представление не оспаривает: «Главная опора демократии для нас сегодня — это граждане, которые могут отличать демагогию от основательного

рассуждения». В конце книги он будет рассуждать о том, что религия как критерий образовательной рефлексии устарела, но демократия вполне способна играть эту роль.

И наконец, третий из традиционных ответов — колледж учит «наслаждаться жизнью». В глазах автора данная функция колледжа тесно связана с традицией свободных искусств. «В сегодняшней Америке во всех учебных заведениях — от плохо финансируемых муниципальных колледжей до богатейших колледжей Лиги плюща — такое образование находится в опасности. На студентов давят, их программируют, учат жить от задания к заданию, бесконечно натаскивают и тестируют, пока не определятся победители, а остальные не будут отсеяны. Едва ли у студентов хватает времени на то, что Ньюмен называет „созерцанием“, и хотя колледжей предостаточно, они не могут спасти студентов от изнуряющей гонки, делающей свободное образование маргинальным или чисто декоративным». Верный своим демократическим взглядам, автор полагает, что американский колледж только тогда исполнит свое предназначение, когда даст шанс «размышлять, пока жизнь полностью не поглотит их» всем.

Вторая глава — «Истоки» — рассматривает колледж как английское изобретение. Образ жизни преподавателя и студента того, исконного колледжа описан подробно. Преподаватели общаются в присутствии учеников — чтобы приобщить их к ученым ценностям. «Этот мир был не только строгим и закрытым, он был еще приветливым и коллегиальным <...> миром, где молодые люди, лишённые удовольствий, которые могут дать город и трактор, взамен получали отдых в садах, на площадках для игры в мяч, на теннисном корте, в бассейне или на стрельбище для лучников». Организация совместного проживания, представление, что студент может и должен чему-то учиться у своих товарищей, — англосаксонская идея, она мало распространена в континентальной Европе.

Узкоцерковным учебным заведением американский колледж не был изначально. Он предполагал гармоничное развитие ума, тела и души. Не без иронии автор отмечает, что столь любезная современному уху «междисциплинарность» весьма уступает тому, что было раньше. Когда «исследования велись в рамках единого изучения божественного разума, границ между „областями“ и „дисциплинами“ не существовало». Для пуритан колледж не имел ценности как исключительно орудие приобретения знаний: он воспитывал и характер. Для автора характер — «современный смягченный вариант того, что основатели наших первых колледжей называли бы сердцем и душой». Он полагает, что студенты, поступающие в колледж, как социальные существа сформированы не до конца, их еще можно отучить от чистого эгоизма и приучить к состраданию и ответственности; нам этот тезис представляется слишком оптимистичным. Есть мистиче-

ская сила, которую пуритане называли «благодатью»; и «если большинство из нас, кто работает сегодня в сфере образования, не располагает языком, на котором можно было бы изложить эту тайну, это не означает, что тайны не существует».

Важный вызов для студента — необходимость участвовать в дискуссиях. Еще одна особенность пуританского англосаксонского контекста — сосредоточенное слушание, потребность в ученом лекторе-проповеднике. Можно думать — и так делают многие, — что лекция сегодня устарела так же, как и проповедь. Дельбанко напоминает, что *profession* изначально и была проповедью «на глазах у конгрегации как своего рода публичная инициация». И потому «настоящий учитель должен быть еще и проповедником в корневом смысле слова — человеком, не боящимся усталости, постепенно накапливающейся в ходе рутинного труда, человеком, в котором не гаснет страсть, даже фанатизм, когда он служит своему призванию».

Третья глава описывает путь «От колледжа к университету». Хронологическое сравнение небезынтересно: Гарвард (1636) старше любого из училищ Московской Руси, хотя и уступает Киево-Могилянскому коллегиуму, а второй по времени основания американский колледж — Вильгельм и Мария (1693) — чуть моложе Славяно-Греко-Латинской академии. В XVIII в. развитие образовательной системы в Америке шло интенсивнее, если сравнивать с российскими университетами; если брать и духовные семинарии, картина меняется. Но мотивы создания учебных заведений были принципиально разными, здесь картина, являемая англосаксонскими странами, разительно отличается от схожих друг с другом континентально-европейской и русской. В Америке достаточным основанием для создания нового колледжа мог послужить тот факт, что кому-либо направление старого колледжа показалось недостаточно благочестивым; в России это скорее привело бы к реформе старого заведения. Несопоставима роль государства: на континентальной почве образовательная система без его решающей роли не могла бы возникнуть. И начало было скромным: автор сочувственно цитирует слова Ани Каменец: «Любой колледж, трубящий повсюду о вековой традиции академических успехов, лжет», — и сенатора Чарльза Самнера, гарвардского выпускника 1830 г.: «Нет ни одной вещи, которую преподавали бы хорошо студентам Гарвардского колледжа». Если мы не удовлетворимся столь односторонним взглядом и выдвинем в качестве аргумента положение выпускников колледжей во главе социального прогресса, автора возразит нам, что этот спор сводится к обсуждению вопроса о первенстве курицы или яйца. Здоровый характер в «век морального воспитания» ставится впереди здравого рассудка; Николай I оценил бы эту особенность демократического образования. На последнем курсе президент колледжа читает лекции по моральной философии».

фии. Для сравнения: первое лицо духовной академии или коллегия, ректор, читает самым старшим ученикам богословский курс, а второе лицо, префект, — следующим по старшинству философию, в том числе, разумеется, и моральную. «Колледж был практикой самоанализа, самодисциплины и самоотречения. Или так по крайней мере предполагалось».

Лишь после Гражданской войны появляется новый тип учебного заведения — исследовательский университет. Интересно, что Э. Дельбанко связывает процесс их возникновения с кризисом протестантской модели и сокращением роли религиозного компонента — под влиянием новых геологических теорий и учения Дарвина.

Надпись на фасаде одного из зданий в кампусе Колумбийского университета: «Воздвигнуто для студентов в знак того, что религия и знание могут идти рука об руку, а характер может расти вместе со знанием», — приводит на память автору аксиому интеллектуальной истории, выдвинутую коллегой: «Когда принцип эксплицитно выражен в формальных заявлениях или памятниках, можно с большой долей вероятности предположить, что современники в него больше не верят». Нерв образовательных споров второй половины XIX столетия — конфликт контроля и руководства со свободой, соотношение того, что в образовании выбирает сам студент, и того, что ему преподается в обязательном порядке. (Америка в этом отношении опережает остальной мир.) Единообразная программа по необходимости будет ориентироваться на самых слабых студентов. И свобода победила настолько, что большинство колледжей не только не навязывают студентам определенный образ мыслей, но и «не желают даже указать им, о чем именно следует думать».

Тенденции последнего времени в развитии образовательных систем — специализация и рост, который сам по себе негативно сказывается на качестве образования. И не на все процессы можно оказать воздействие: если рост числа студентов поддается замедлению, то о приросте знаний этого сказать нельзя. У преподавателей больше нет общих ценностей, кроме академической свободы. Преподавательское сотрудничество становится редкостью и осуществляется лишь перед лицом угрозы — финансовой или авторитарной. Думать об образовании — такая задача теперь оказалась за рамками чьей бы то ни было специализации. «Равнодушие преподавателей к делам университета <...> естественное, хотя и не обязательное следствие бюрократизации и того, что иногда называют „балканизацией“ современной академической жизни, — расщепления преподавательского состава на настороженно относящиеся друг к другу группы интересов». Можно представить себе идеальный университет, но больше нет университета как сообщества. Автор цитирует язвительные реплики коллег: в Чикаго университет удерживает вместе система центрального

отопления, а в Калифорнии (Беркли) — парковка. Центробежная сила стала господствующей в современном «мультиверситете». Концепция прогресса, которая заключается в том, что он должен добавлять новое знание к старому, а не заново изобретать старое, бросает вызов гуманитарной области: гуманитарии «по-прежнему озабочены сохранением истины путем ее переформулирования, а не движением вперед через отказ от старого ради нового». Прогресс — то, что легче всего продемонстрировать обществу, но «принцип прогресса не слишком хорошо, как принято говорить, переводится в изучение культуры и исторического опыта». Попытка гуманитарных наук преодолеть кризис, подражая в точности наукам естественным, провалилась и привела к обратному результату: к тому, что само понятие истины оказалось под вопросом. В последнее время маятник качнулся обратно; но и тот и другой подходы дают плачевные результаты в гуманитарной сфере и приводят лишь к ее маргинализации. Но строгая наука на вопрос о смысле жизни не отвечает. Некоторые надеются, что ее рациональный подход проникнет и в эту область; даже если это произойдет, «никого из нас в ту пору уже не останется, да и неясно, хотели ли бы мы жить в таких условиях». «На самом деле гуманитарные науки больше всего дают тем студентам, которые даже не знают, что в них нуждаются, — и это одна из причин того, что было бы стыдно им отказываться». И «некоторые книги, старые и не очень, говорят с нами провокационным шепотом, который заставляет задуматься о том, а не является ли идея прогресса шарлатанством».

В четвертой главе характер обсуждаемых вопросов резко меняется: «Кто поступал? Кто поступает? Кто платит?». У образования два полюса: один описывается в религиозных категориях, другой отвечает усложнившимся нуждам современного общества. Макс Вебер настаивал на их сосуществовании в рамках одного заведения, а не противопоставлении. Противостоят друг другу и ценности — социальные и интеллектуальные. Для русского читателя будет, конечно, новостью, что «Николас Мюррей Батлер, который был президентом Колумбии фактически всю первую половину XX века, предпочитал квоту для евреев», — мы привыкли отождествлять подобные меры только с ужасами царизма. Расизм, антисемитизм, социальный снобизм и антиинтеллектуализм весьма заметно проявлялись в ведущих американских университетах, по мнению автора, на протяжении двух третей XX столетия. Но теперь не так: «Колледж, как мы сказали, был призван сохранять единообразие, но теперь он (охватывая все больше молодых людей и все больший их процент. — А. Л.) обязан стремиться к многообразию». Переход — история увлекательная и длинная, и демократизации элитных заведений в ней посвящена только одна глава. Возможно, одну из последних глав пишут в ней сторонники удаленного обучения и предприниматели в сфере коммерческого образования. Но основ-

ной этап — середина прошлого столетия, когда был радикально расширен доступ к образованию для выходцев из низших слоев общества и была создана система двухгодичных юниорских колледжей, превратившихся в общенациональную систему муниципальных колледжей. Автор этих строк удивился, прочитав: «Борьба против социализма в его советской форме требовала, чтобы колледжи поддерживали таланты, где бы они их ни находили». Поддержкой талантов имело бы смысл заниматься и независимо от борьбы с «красной угрозой».

Какова цена этого триумфального шествия образовательной демократии? Автор довольно подробно рассуждает о том, при каких обстоятельствах идеалы остаются на бумаге, но это не столь интересно: мы и не ожидали их полного воплощения. «В стремлении к престижу нет ничего нового, но в последнее время оно достигло столь лихорадочной интенсивности, что оказывает по-настоящему негативное воздействие на образовательную миссию многих учебных заведений». Престиж задается, в частности, процентом отбора, который порождает гонку за заявлениями — чтобы потом можно было отвергнуть более значительную их долю, чем отвергают конкуренты. *Mutatis mutandis* здесь можно усмотреть сходство с проблемой проходного балла и еще более — с новациями ЕГЭ. Растет степень обмана и ненамеренной жестокости: сколько остается мест после того, как будут учтены все льготы и все аспекты положительной дискриминации? Э. Дельбанко критикует тесты: известно, в частности, что баллы по SAT четко коррелируют с доходом семьи, но заключение о связи интеллекта с доходами «должно показаться сомнительным даже записным социальным дарвинистам». Здесь мы должны оговориться, что американский взгляд на эту проблему, насколько мы могли с ним ознакомиться, кажется нам поверхностным: для того чтобы на тесты могло в такой степени влиять имущественное положение семьи, нужно, чтобы и сами тесты обладали соответствующим характером, и соответствующим образом было выстроено школьное образование. Это скучная материя, разумеется, но надлежит отметить: ситуация с доступностью высшего образования далека от идеала социальной справедливости.

Для пятой главы выбрано антиутопическое название — «Прекрасный новый мир». Термин «меритократия» и был когда-то введен как характеристика отношений в антиутопии. Если раньше лучшие колледжи могли похвастать многими выпускниками, павшими на поле брани, то теперь выходцы из более обеспеченных слоев и понятия не имеют о том, что такое война. Процесс приема в колледж, который начинается с трехлетнего возраста, хорошо подходит для того, чтобы убедить победителей: они и в самом деле заслужили победу. Меритократическое общество озабочено исключительно экономической экспансией. Ведущие колледжи лучше всех убеждают общество в том, что бедные заслужили

свою бедность. В конкуренции за место сложно победить, не измучившись бессонницей и не дойдя до грани нервного срыва — хотя лицемерия и глупости в колледжах хватало и раньше. Эта темная сторона меритократии стала все больше привлекать исследовательское внимание.

Изменение этоса затрагивает, разумеется, не только студентов (здесь дело зашло настолько далеко, что «в некоторых колледжах экскурсия по кампусу напоминает рекламный тур по дорогому курорту», хотя для англосаксонской образовательной традиции и характерно представление, что хорошее воспитание должно быть суровым; для автора этих строк громом среди ясного неба оказались жалобы на списывание — я полагал, что американская школа не подвержена этому бедствию). Преподавательская корпорация расслаивается: руководители университетов могут обмениваться новостями на заседаниях совета директоров крупных корпораций, а профессора, ставшие медийными звездами, устанавливают собственные правила игры относительно приоритета интересов и собственной нагрузки. Они заботятся о собственном престиже больше, чем об интересах заведения. Неразборчивость в средствах заходит иногда слишком далеко: «В ходе подготовки к войне с Ливией стало известно, что группа видных политологов, социологов и профессоров бизнеса получали сотни тысяч долларов в месяц от правительства Каддафи в обмен на консультации. Один из бенефициантов писал колонки об искренней преданности полковника Каддафи идее демократизации, не удосужившись раскрыть свои финансовые отношения с ливийским режимом». В то же время многие профессора, полностью отдающие себя студентам, оказываются лишены достойного вознаграждения за труд. Коммерциализация и коррупция разъедают образовательную систему. Иногда из уст весьма авторитетных и высокопоставленных функционеров раздаются заявления о том, что ценности, противоречащие современным идеям комфорта, пора официально сдать в архив.

Э. Дельбанко не может отнестись к этому равнодушно. Он пишет: «Эта установка, лежащая где-то между реализмом и цинизмом, отказывается от большей части того, что было наиболее ценным в истории наших колледжей и университетов: от сознательного дистанцирования от мира зарабатывания и траты денег, в котором молодежи еще предстоит провести свою жизнь». Такой подход он называет «тотальной коммодификацией». «Академический обман всегда был проблемой — но не надо строить иллюзий, что положение не ухудшилось». Не новость в колледже и спортивная коррупция. Автор сочувственно цитирует У. Боэна: «Спорт в колледже в его нынешних формах представляет серьезную угрозу академическим ценностям и качественному образованию». Впрочем, по поводу студентов любое обобщение бу-

дет предвзятым. И лишь одно обобщение применимо ко всем: это «ощущение дрейфа».

Последняя глава книги Э. Дельбанко с таким знакомым названием «Что делать?» начинается с печальной констатации: жанр, в котором следовало бы говорить о колледже, — погребальная песнь. Скажем заранее: проблема, на которую обращено наиболее пристальное внимание автора, — как сделать, чтобы больший процент поступающих в колледж его оканчивал. Но до рецептов мы доберемся не скоро: сначала идут жалобы. Меняется все: статус преподавателя (которого оценивают, опрашивая студентов, — со всеми вытекающими последствиями такого способа оценки), статус диплома (частные вузы нередко просто меняют его на деньги), статус оценки (число высоких оценок в гуманитарных областях начинает зашкаливать). Государство должно навести порядок в колледжах там, где они не справляются сами, но измерительные инструменты, которыми оно располагает, еще грубее, чем те, которые действуют сейчас. Это не ближайшая перспектива: американское образование более децентрализовано, чем другие, и представляет собой причудливую смесь частного и государственного. Лаконичен, но весьма плотно написан и перечень предпринимаемых мер — прежде всего финансового характера. «Ясно одно: поддерживать жизнь в идее колледжа, согласно которой он существует не только для привилегированного меньшинства, — тяжелая задача». Общественные дебаты сосредоточены на вопросах цены и доступности. Но в колледж мало поступить, его нужно еще и окончить. Можно говорить о недостатках школьного образования, и оно нуждается в реформе, но у колледжей нет возможности ждать, пока это произойдет; они должны быть готовы решать проблемы самостоятельно. На фоне весьма масштабного анализа очень скромно звучат собственно рекомендации: «Требуется больше договоренностей между четырехгодичными и муниципальными колледжами, равно как и сотрудничества колледжей с местными средними школами и местными общественными организациями, работающими со старшеклассниками, которые, несмотря ни на что, хотят пойти учиться в колледж». Семьям с низким доходом нужно объяснить, на что они берут кредиты, а для детей из таких семей следует создать обстановку, которая способствовала бы общению студентов друг с другом и с преподавателями. «Идея колледжа до сих пор способна мотивировать молодежь больше, чем какая-либо иная форма образования, которую мы знаем». Рассуждения же о том, что университеты устарели и нуждаются в радикальной реформе, не вызывают у автора книги никакого энтузиазма. Удачным примером было сочетание «кураторства, поощрения обучения в хорошо структурированных группах и ассистирования у преподавателей, занимающихся научной работой». При всем скепсисе по отношению к ИТ можно

признать потенциал цифровой революции в преодолении неравенства возможностей. И если моментальное переключение с одной задачи на другую и текучесть и проницаемость вузовского пространства рассматривать не как порок современности, а как новые возможности и модели, то можно говорить о победоносном возвращении из прошлого идеи колледжа как места, где студенты учатся у своих товарищей. (Новые технологии довольно часто воскрешают старые практики, как, например, электронная почта вернула эпистолографию, поколебленную телефоном, но здесь вряд ли можно солидаризироваться с автором книги.)

Для преподавателей автор рекомендует контракты на несколько лет с прозрачными процедурами проверки взамен как пожизненных должностей, так и внештатного найма; лучше всего — стабильность без окостенения. Но любые меры хороши тогда, когда их разрабатывают и вводят преподаватели, которым небезразлично преподавание; именно в таких прежде всего нуждается вузовская система. Автора поражает «неспособность рассматривать преподавание в качестве составной части образования аспиранта», но, похоже, этот аспект очень мало волнует академические круги. Пропasti между наукой и преподаванием нет (если продумать эту мысль до конца, автор признал бы надуманными и свои тревоги по поводу того, что аспирантов не учат учить); вопросы, которые при этом поднимаются, до боли напоминают опустылевшие разделы отечественных диссертационных документов: «Чем именно данный автор может заинтересовать студента колледжа? Что сегодня делает его актуальным? Почему этот роман, стихотворение или пьеса, написанные столетие назад, до сих пор важны для нас? Иными словами, как вы будете преподавать эту тему?». Если не думать над незатейливыми и трудными вопросами преподавания, можно приобрести привычку уклоняться от них.

Очень важное наблюдение — пожалуй, ключевое: «Огромное большинство студентов способно включаться в обсуждение различных больших вопросов — истины, ответственности, справедливости, красоты среди прочего, — которые некогда считались стоящими в центре образования». Для анализа высказанной в книге суммы идей, которую мы до сих пор только излагали, это чрезвычайно важно. Вернемся к исходному пункту: книга написана профессором американской литературы. Это оказало влияние на авторскую оптику, но не по тем причинам, о которых в книге идет речь. Гораздо более значим тот факт, что предметный разговор о сфере преподавания не требует таких интеллектуальных усилий и предварительной подготовки, как, скажем, о дифференциальных уравнениях или грамматике древних индоевропейских языков. Потому — хотя автор столько раз предостерегал на страницах книги от поспешных обобщений — здесь, рассматривая центральный вопрос о совместимости образовательных ценностей старого американского колледжа, ценно-

стей в конечном счете аристократических, и размывающей их новой ценности, демократии, он сам делает слишком поспешную экстраполяцию: если по его предмету способно сказать что-то осмысленное громадное большинство студентов, из этого еще не следует, что оно способно овладеть предметами любой сложности. Первый и самый игнорируемый вывод из пропорциональной зависимости между достатком юноши и уровнем усвоения программы, — то, что с самой программой что-то не так.

Мы уже видели, что серьезность рассмотренных проблем резко контрастирует с локальным характером рецептов, а более радикальные рецепты вызывают у Э. Дельбанко отторжение. Становится понятна и его вражда к меритократии: если есть неравенство, социальное его объяснение — первое, что приходит в голову. Однако несоизмеримость описанных проблем и предполагаемых мер никуда не уходит: претензия на руководство интеллектуальным ростом молодежи и влияние на ее образ жизни и совет, данный разным типам колледжей, теснее координировать усилия друг с другом, не пересекаются никак.

Установив преимущественный социальный фокус авторской оптики и подчеркнув его ограниченность, мы можем сказать несколько слов и о том, чем данная книга может быть полезна именно нам. С одной стороны, сторонника «особого пути» она разочарует: даже списывание является общечеловеческой, а не сугубо евразийской традицией. С другой — если в Америке, в стране с устойчивым вкусом к меритократии, демократизация доступа к высшему образованию создает столь серьезные проблемы, то чего ожидать нам, после того как «красный коток» вдавил меритократию в грязь настолько, что в обществе не находит уже никакого отклика мысль о разных образовательных потребностях молодежи с разными способностями? Российская общественность со своими безнадежно левыми взглядами непременно хочет, чтобы образование было социальным лифтом — причем для всех одновременно (забывая или не желая понять, что без массового террора невозможен и массовый социальный лифт).

В этой ситуации нам вдвойне и втройне полезно напоминание об аристократических ценностях образования. Наша исходная ситуация далеко не так благоприятна, как в Соединенных Штатах, — и размывание специфики высшего образования под лозунгами общедоступности ровно в той же мере для нас опаснее. Что же касается самих образовательных ценностей, данная книга дает их весьма впечатляющий очерк и рельефную характеристику.

Education and Democracy: Cooperation or Conflict?

Review of the book: Delbanco A. (2015) College: What it Was, Is, and Should Be

Alexey Lyubzhin

Doctor of Sciences in Philology, Research Fellow, The Rare Books and Manuscripts Section of the Moscow State University Research Library. Address: 9 Mokhovaya str., 103073, Moscow, Russian Federation. Email: vulture@mail.ru

Author

The reviewer believes that A. Delbanco's analysis of challenges produced by democratization of access to higher education in America should be of great interest to a Russian reader. His book investigates into the meaning higher education has for the country as a whole and for each individual, into the specifics of goals pursued by colleges and universities, into the abundance of academic dishonesty in American higher education institutions, as well as into the effect of modern education development trends on social inequality. Briefly outlining the author's key bullet points on the history of American colleges, triggers of their establishment, teachers' and students' lifestyle, consequences of the reputation race, the reviewer keeps drawing parallels with the Russian education system. He argues that blurring the specifics of higher education under the rationale of wide public accessibility is even more dangerous for Russia than for America, where the background situation was much better.

Abstract

higher education, massification, universities, colleges, academic culture, academic values, academic deception, meritocracy.

Keywords